

АНТОН МАКАРЕНКО: «НИКАКИХ ПРАВИЛ НАУКИ НЕТ...»

Калабалин Антон Семенович
педагог

Из книги «Педагогические размышления». – Изд. 2-е, испр. и доп. / сост. и ред. Л.В. Мардахаев.

– Антон Семёнович, годится ли опыт Макаренко для современной школы?

– Опыт-то, безусловно, годится, но дело в том, что он не поддаётся бездумному копированию. Помню, ещё в 50-х годах один доктор педагогических наук решил открыть во Владимирской области копию макаренковской колонии им. Горького. Все сделал точно так же – структура, режим... И ничего не получилось. Спрашивает у отца:

– Почему?

Тот ответил:

– Ты копируешь чужое. Но ты не Макаренко, и потому должен оставаться самим собой, используя его педагогические открытия.

Я полвека проработал учителем – в школах, детдомах, колониях... Каждый год читаю «Педагогическую поэму» и каждый раз открываю что-то новое. Ведь многие привычные слова стерлись от частого употребления и утратили первоначальный смысл.

Школьное самоуправление? Да не бывает такого: не отдам же я детям свою печать, планирование... Соуправление – это я понимаю. Школьный коллектив? Зачастую и это выдумка. Вас же не очень волновало, пришёл сосед по парте в школу или нет, какую оценку получил... Коллектив создается под общее дело, это временное объединение под конкретную задачу. Нет её – нет и коллектива. А.С. Макаренко это понял, когда по-

началу открыл в колонии мастерские – сапожную, портняжную, кузницу... И вот сидят колонисты по разным цехам, радуются жизни и становятся работягами. Материться они уже умеют, скоро будут пить, а женятся – станут бить жен... Нет, так не пойдет. И Антон Семенович начал создавать сельскохозяйственную коммуну, где все друг с другом связаны. Такой коллектив – не для подавления личности, а для её раскрытия, охраны интересов. Чтобы жизнь шла по общим для всех законам.

– И как же этот опыт применить, например, в обычной школе, где нет никаких коммун и сельского хозяйства?

– Об этом я задумался еще в 1965 году, когда после армии меня назначили в школу подмосковного Хотькова завучем по воспитательной работе. Помогла... пионерка Лариса Михеенко. Она партизанила во время войны, героически погибла. Мы нашли её маму, нашли командиров, создали школьный музей. Обратились к композитору Кабалевскому, он написал песню. Предложили назвать новый военный корабль именем Ларисы, дружили с экипажем, и когда корабль приходил в какой-то порт – в Ленинград, Балтийск, Севастополь... – а мы находили средства и ехали туда. Не все, конечно, а только лучший класс. Итоги подводились по разным показателям, и каждый был заинтересован в успехах товарища. Вот такой был у нас коллектив. А закончится дело – значит, надо искать новое.

Бытует и такое мнение: мол, А.С. Макаренко работал в колонии, с бандитами... Чушь! В той «колонии» не было никаких решеток, и Антон Семенович разрешал уйти в любое время, если кому не нравится. Бывало, и уходили. Но возвращались. А вот в тюрьму больше ни один не попал (сравните-ка этот показатель рецидива с нынешним...) И воспитанники были в большинстве своем нормальные ребята.

– Нормальные, но в конфликте с законом...

– Как же без конфликтов, если ребята хотели выжить? И я бы жил точно так же, и любой другой. А их называли опасными для общества. Ворошилов требовал изолировать беспризорников, чтобы не мешали жить пионерам. Не только в тюрьму, но и под расстрел можно было угодить уже с 12 лет... А А.С. Макаренко моего отца взял из тюрьмы, хоть ему было 18. Он пытался уберечь детей от этого давления властей. Был большой конфликт с официальной педагогикой во главе с Н.К. Крупской. Она создавала пионерскую организацию, там всё красивенько, с барабаном... А его заботило воспитание настоящих граждан, которые будут созидать и творить. Думал не о внешних эффектах, а опекал воспитанников всю жизнь. Возродил понятия чести, долга, которые тоже попали в опалу как старорежимные. А однажды и врезал воспитаннику, пытавшемуся его унижить. Между прочим, это был знак потрясающего уважения. Колонисты уважали силу и смелость (при этом чуть ли не каждый из них был сильнее Антона Семеновича) и рассуждали так: если директор меня не наказал, то он меня не уважает...

Детей, которые умели только красть, он учил трудиться. Он умел создавать коллектив единомышленников, привлекать на свою сторону тех, с кем можно вести всех остальных. Почему в нынешней школе многие не хотят учиться? Не хотят стать «ботаниками» в глазах коллектива...

А.С. Макаренко относился к воспитанникам с уважением, но и величайшей любовью. Ведь если я люблю, то требователен и хочу чтобы ребенок нашел свое место в обществе, стал счастливым. Да только любовь бывает разная: сегодня любят гладить по головке... Это удобно, но бесполезно.

Ясно, что многим это не нравилось. Дело кончилось тем, что из колонии имени Горького, им же и созданной, его уволили. Он создал новую коммуны – имени Дзержинского, там и выпускали знаменитый фотоаппарат «ФЭД».

Последние два года жизни А.С. Макаренко работал в Москве. Хотел в школу, но оказался ей не нужен, потому что шла постоянная борьба с чиновниками. Они понимали: если пройдет его педагогика, что им всем делать? Ведь легче не думать, плыть по течению... А Антон Семенович говорил: мне очень легко работать педагогом – для этого есть 24 часа в сутки. Педагогика – не профессия, а состояние.

Я многому научился у А.С. Макаренко и отца. Например, мастерству импровизации, умению признавать свои ошибки. Мне повезло, что дети идут ко мне, но чего это стоило... Я мастер спорта по тяжелой атлетике и по борьбе. Не наказываю, но если на татами приём сделаю, пацан скажет: больше не буду, я всё понял... Умею косить, пахать, гириями крещусь в свои 72... Играю в футбол, баскетбол, теннис. Сальто с места сделаю. Неплохо пляшу – победитель многих конкурсов. Могу и актером быть – так сыграю, что самый недоверчивый поверит...

– *Актерство-то зачем?*

– Ну, вот, например, работал я в спецшколе для трудных ребят. Была одна воспитательница с дрянным характером, во что бы то ни стало ей хотелось подловить воспитанника и посадить. Однажды мы поехали на сборы, а она тем временем *прошмонала* все палатки и нашла яблочное вино. Доложила мне, я обязан принять меры... Построил всех в каре, вызываю виновника и спрашиваю:

– Это вино или сок яблочный?

Он мямлит что-то... Говорю:

– Сок? Что ж ты молчал? Сейчас проверим!

Открываю бутылку и всю выдуваю... Такая мерзость, как только почки выдержали... Потом бросаю бутылку далеко в лес. И вот месяца через три тот пацан подходит ко мне:

– Антон Семенович, а там, правда, сок был?

– Нет, говорю, вино...

Тот обрадовался, потому что ребята стали с ним разбираться: мол, мы тебе скинулись на вино, а ты что купил?!

– *Получается, директор покрывает нарушителя?*

– А не надо мне знать о всех проступках! Вот что писал об этом А.С. Макаренко в «Педагогической поэме»: «Проступок, если он никому неизвестен, все равно умрет, задавленный новыми привычками и навыками... Только в последнее время я узнал о многих проступках горьковцев, которые оставались в глубокой тайне. Я теперь испытываю настоящую благодарность к ним за то, что они умели так хорошо замечать следы и сохранять мою веру в человеческую ценность нашего коллектива».

Представьте, если человек знает всё о своем соседе, о жене – он же повесится... А надо, чтобы в семье все было хорошо. Зачем учителю рассказывать родителям, что ребёнок натворил за несколько месяцев? И маме не надо все говорить про своего ребенка. Я же, как педагог, должен реагировать, и получается, что вы меня подставили. А в воспитании чуть перегнул палку – и что-то сломал в человеке... «Нужно якобы обязательно по косточкам разобрать все похождения мальчишки... вывернуть наизнанку ту яму, в которой копошился и погибал ребенок. А собравши все эти замечательные сведения, по всем правилам науки строить нового человека», – иронизировал А.С. Макаренко. И подытоживал: всё это ведь глупости, никаких правил науки просто нет.

– *Как-то это не очень вяжется с привычными школьными буднями...*

– Потому что многие не желают себя утруждать красотой педагогики, делать себя счастливым в этом доме. На педсовете вижу потухшие глаза учителей, чувствую выжженные сердца. В их отчетах даже графы такой нет – «воспитание». Рассказываю им, что такое педагогическое мастерство, как сделать ребенка счастливым – и глаза начинают гореть... Ведь педагогика – это великое искусство, здесь столько можно сделать... А предмет – всего лишь повод войти в класс, в общение. Нужно обязательно стать для ребенка интересным и значимым человеком, чтобы он у тебя что-то брал. Будешь насильно давать – ни за что не возьмет.

– *Есть ли сегодня спрос на идеи А.С. Макаренко?*

– Конечно. Военные просят разобраться с причинами дедовщины. Психологов интересует, как создать благоприятные условия общения. В Европе широко используют его опыт – от католических монастырей до светских коммун. А вот наши педагоги идут к нам неохотно: мы-де растим свободную личность, конкурентоспособную, а там – муштра, колония... Они просто не понимают А.С. Макаренко.

Сегодня мы очень востребованы как методический центр. Завтра, например, проводим большой семинар о том, каким должен быть детский дом сегодня. Но наш официальный статус – учреждение дополнительного образования. То есть, кружки, выступления детей... Разве этим мы должны заниматься? Ведь нынешняя школа живет по законам страшного лицемерия и вранья. Школа натаскивает на ЕГЭ, учителя – репетиторствуют. А вот умению воспитывать в вузе никто не учит. Какая уж тут нравственность... Школу сегодня относят к сфере услуг.

И все же последователи есть, хоть их и немного. Например, Центр образования № 656 уже более двадцати лет строит работу на основе традиций Макаренко. Опыт такой педагогики выявил необходимость создания школы другого типа, где ученики должны стать деятельными созидателями своей жизни, а образование помогало бы им раскрыть свой потенциал. Однако министерство такие идеи не поддерживает. Физический труд в школе запрещен, поэтому убрать класс, вымыть полы нельзя, на участке поработать – тоже... Но изменить ситуацию в стране могут только люди, которые ставят благородные цели, любят свое дело и умеют трудиться. Без них ничего не получится.